

На правах рукописи

Бишарова Светлана Геннадьевна

Синтоистские основы традиционной японской культуры

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Новосибирск - 2006

Работа выполнена на кафедре теории, истории культуры и музеологии
Института истории, гуманитарного и социального образования
ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Сабиров Владимир Шакирович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Карпицкий Николай Николаевич
кандидат философских наук, доцент
Аванесова Елена Григорьевна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Новосибирский
государственный университет»

Защита состоится 11 мая 2006 г. в 16.30 на заседании диссертационного совета Д 212.267.17 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ТГУ, главный корпус, ауд.119.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «10» апреля 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.267.17
кандидат философских наук, доцент

В.Е. Буденкова

1. Общая характеристика работы

Традиционная японская культура – это сложная, динамичная система религиозно-философских, этических, эстетических, социально-политических представлений и ценностей, носивших как автохтонный характер, так и возникавших в результате усвоения континентальных учений на всем протяжении многовековой истории развития культурных, политических, экономических контактов Японии с материковыми цивилизациями. Особую роль в формировании глубоко самобытной культуры сыграла национальная религия японцев – синтоизм. Наряду с буддизмом, конфуцианством, даосизмом, позднее – христианством, синтоизм задал базовые параметры для национальной идентификации, стал неотъемлемой составляющей традиционного мировосприятия.

Актуальность. Важная особенность изучения синто в рамках традиционной культуры Японии, определяющая приоритетность осмысления связанных с ним вопросов, заключается в том, что данное явление как научная проблема осознается сравнительно поздно. Долгое время синтоизм рассматривался лишь в качестве «государственного синто» (*кокка синто:*) – религиозно-политической системы конца XIX в. – 40-х гг. XX в., носившей сугубо националистический характер, – что привело к формированию за рубежом искаженного представления о национальной религии японцев. Со второй половины прошлого столетия в Японии началось движение по «реабилитации» синто и прояснению его истинной сущности для широких масс мировой общественности.

Активизация интереса к данной теме исходит и из современной социокультурной ситуации в Японии. Вся история многовекового существования синто демонстрирует всплески пристального внимания к собственной «религиозной системе и системе мышления» (А.Н. Мещеряков) в периоды активного проникновения иноземных учений, идей, угрожающих утерей традиций и национальной самобытности. На рубеже нового

тысячелетия перед Японией эпохи «глобализации», «интернационализации», формирования единого экономического, социально-политического, культурного пространства вновь встает проблема выработки верного соотношения двух разновекторных тенденций культурогенеза: с одной стороны, необходимости интеграции в мировое сообщество, с другой – стремления к сохранению духовного богатства и культурных традиций, которые имеют непреходящую ценность для самоидентификации этноса. Многие японские и российские исследователи видят возможность выработки способа адекватного реагирования на серьезные перемены в глобальной ситуации путем обращения к социальному, политическому, культурному, духовному потенциалу синто.

Многовековое функционирование японской культуры, глубоко традиционной, но в то же время удивительно открытой и динамичной, привлекает внимание ученых всего мира в поисках новых механизмов регуляции, сохранения и трансляции традиций в современном обществе. Необходимость и целесообразность обращения к японскому опыту, и, в частности, к синто как важнейшему источнику формирования фундамента японской культурной традиции демонстрируется результатами исследований этого феномена в различных его аспектах (политическом, социальном, экономическом, культурном).

Однако при всем многообразии подходов к проблематике синтоизма обнаруживается недостаточное внимание к его эстетическим основаниям, несмотря на то, что на протяжении веков именно художественно-эстетическая деятельность была одной из основных форм сохранения и передачи культурного опыта, выражения религиозно-философских идей в Японии. Данное обстоятельство предопределило не только актуальность и важность, но и основную проблему исследования: противоречие (несоответствие) между признанием синто в качестве одного из формообразующих оснований традиционной японской культуры и его трактовкой, как преимущественно религиозной традиции. Изучение роли

синтоизма в процессе формирования художественных форм и образов, степени его воздействия на общую художественную направленность культуры также акцентирует важнейшие в философско-культурологическом плане вопросы преломления традиционного (мифологического) сознания в художественно-эстетической сфере.

Степень научной разработанности проблемы. Специфика исследований в данном направлении заключается, прежде всего, в том, что в мировом востоковедении существует множество разночтений и противоречивых толкований относительно сущности и содержания многокомпонентного и исторически изменяющегося явления – синто.

Традиционалистское (синтоистское) направление в изучении данной проблематики представлено работами Като Г., Янагита К., Мураока Ц., Орикути С., Маюми Ц., Фуками Т., Кунихиро М., Сонода М., Сакураи К., Умэда Ё., а также исследованиями западных ученых (Я. Ридэр, Б. Эрхарт, Дж. Нельсон). Указанные авторы постулируют синто как духовную основу японской нации и японской цивилизации, религиозную систему, существующую в Японии с древнейших времен и сохраняющую тесную связь со всей японской системой ценностей и образом мышления, подчеркивают важность интеллектуальных и доктринальных, теологических и этических аспектов синто. Подобный подход подвергается критике (Куроода Т., Ёсида К.) и переосмыслению, особенно в западной науке (В. Астон, М. Тэувен, Н. МакМаллин). На данный момент западная синтология характеризуется сознательным отказом от изучения синто как целостной и независимой религии, сосредотачивая внимание на отдельных его аспектах и ограничиваясь исследованием течений, школ, локальных географических или храмовых традиций (А. Грапард, Дж. Брин, М. Тэувен, Ф. Рамбелли, Н. Лискутин, Б. Шайд).

Иной ракурс рассмотрения проблемы предлагает японский ученый, религиовед Дж. Китагава, считая, что синтоизм как автохтонная религиозная традиция японцев, имея в своем основании «внутреннее» исторически

неизменное содержание, основанное на почитании божеств-ками, прошел свой тысячелетний путь, трансформируя «внешние» формы под влиянием сино-корейской цивилизации. Подобная точка зрения на предмет в общих чертах принята в японоведении последних десятилетий – и в самой Японии, и в России (Л.М. Ермакова, А.Н. Мещеряков, Е.М. Дьяконова, А.А. Накорчевский, Г.Е. Комаровский, Э.В. Молодякова, В.Н. Еремин, В.Э. Молодяков). При этом поиск неизменной «вневременной» составляющей синто как религиозной традиции осуществляется параллельно с выявлением ядра японской культуры в целом и определением роли синтоизма в его формировании.

В процессе исследования синтоистских оснований японской традиционной культуры для автора оказались важными работы отечественных и зарубежных востоковедов, изучающих историю и концептуально-идеологические стороны рассматриваемого комплекса верований, проблематику мифа и ритуала синто, его государственно-политические и социальные аспекты, вопросы синто-буддийского синкретизма, эстетику синто (Г.Е. Комаровский (Светлов), А.Н. Мещеряков, Л.М. Ермакова, А.А. Накорчевский, К.А. Попов, Е.М. Дьяконова, Е.К. Симонова-Гудзенко, С.А. Арутюнов, Э.В. Молодякова, В.Н. Еремин, С.Б. Маркарьян, В.Э. Молодяков, А.М. Горбылев, Дж. Китагава, К. Блэкер, Я. Астли, Сонода М., М. Тэувэн, Б. Эрхарт).

При формулировании исследовательского подхода к проблеме вычленения синтоистских оснований художественно-эстетической традиции, автор опирался на труды по театральному искусству Японии, представленные Н.Г. Анариной, Л.Д. Гришелевой, А.Е. Глускиной, Т.П. Григорьевой, Ю.Л. Кужель, М.Ю. Дубровской; философско-эстетические работы Е.Л. Скворцовой, Т.П. Григорьевой; исследования по классической литературе и поэзии (Н.И. Конрад, Т.И. Бреславец, И.А. Боронина, Л.М. Ермакова, В.Н. Горегляд, А.Н. Мещеряков), японскому искусству (А.П. Кавко, Г.Б. Навлицкая, В.А. Пронников, С.Н. Соколов-Ремизов, Н.С.

Николаева, Окакура К.), архитектуре (Г.Б. Навлицкая, Тангэ Кэнзо). Для темы данного исследования актуальны философско-эстетические работы, в которых отражены сложившиеся в науке взгляды на природу искусства (Ф.В.Й. Шеллинг, И.Г. Фихте, Н. Гартман, А.Ф. Лосев, М.С. Каган, Л.С. Сысоева, Г.К. Щедрина).

Анализ научных публикаций вышеуказанных исследователей свидетельствует о том, что при отсутствии единого подхода к трактовке сущности и понятия синто, нет единого мнения о степени его воздействия на виды и формы традиционной японской культуры, что является проекцией как сложности самого объекта, так и недостаточной степени его изученности. Не достаточно акцентировано внимание на синтоистских основаниях специфики художественно-эстетической традиции в ее идейном и образном развитии, связи эстетико-художественных принципов построения произведения искусства с синтоистским мировоззрением. Проработка данных вопросов осуществляется преимущественно на уровне научных статей на примерах «точечного анализа» отдельно взятых видов традиционного и современного искусства Японии. На уровне философско-культурологического понимания проблема влияния синто на культурогенез японцев, и, в частности, на становление самобытной художественной традиции не была представлена как самостоятельная научная задача. В связи с этим важным представляется систематизация существующего материала исторического, этнографического, лингвистического, философского, искусствоведческого характера и его концептуальное рассмотрение с целью выявления социокультурной специфики синто в контексте японской традиции.

Автором рассматривается период существования и развития традиционной японской культуры от истоков до второй половины XIX века. «Открытие» страны в конце XIX в. и выход ее из положения относительной культурной и политической изоляции в определенной мере нарушили естественную логику ее саморазвития. Поэтому характеристика нового и

новейшего периода истории культуры японского этноса требует отдельного изучения.

Диссертационное исследование опирается на исследование письменных памятников, зафиксировавших синтоистские представления и позволяющих воссоздать образ жизни и особенности мировосприятия человека традиционной японской культуры. Это, прежде всего, летописно-мифологические своды «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.), «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.), «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 797 г.), законодательный свод «Тайхо: рицурё:» (701-702 гг.), «Энгисики» («Установления годов Энги», 901-923 гг.), «Фудоки» («Описание земель и обычаев», 713-733 гг.), поэтические антологии «Манъё:сю:» («Собрание десяти тысяч поколений», VIII в.), «Кокинвакасю:» (X в.), а также классические художественные произведения (дневники, повести, исторические сочинения, эссе) разных исторических периодов.

Объектом исследования является традиционная японская культура во всей ее полноте и многообразии проявлений. **Предмет исследования** – синтоизм как одна из важнейших культуuroобразующих форм, лежащих в основании японской традиции.

Целью диссертационного исследования является выявление синтоистских оснований традиционной японской культуры на примере художественно-эстетической традиции в аспекте ее исторического становления и развития.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач** исследования:

1. проанализировать основные представления о сущности (смысле) понятия «синто» и выявить теоретическое зерно этих представлений;
2. рассмотреть синтоизм как определенную форму религиозного поведения и связанный с ним древнейший комплекс верований;
3. выявить основные особенности синтоистского мировоззрения и их влияние на формирование особого типа мировидения, миропознания,

самоидентификации человека в мире в рамках традиционной японской культуры;

4. проследить формообразующую роль ритуально-магического и обрядового поведения синто в генезисе художественных форм;

5. доказать влияние синто на формирование специфики художественно-эстетической традиции в аспекте создания и восприятия художественного образа;

6. проанализировать синтоистские основания функционирования системы художественных образных категорий.

Методологические основы исследования. В основе исследования лежит трактовка культурологии как синтетического знания, тяготеющего к целостной интерпретации бытия человека в единстве художественных, научных, религиозных и философских проявлений (С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман), а также концепция художественной культуры как особого структурного компонента культуры (М.С. Каган). Наиболее значимыми в осмыслении проблем мифа, ритуала, мифопоэтического (мифологического) мышления человека традиционной (первобытной, доосевой) культуры для данной диссертации представляются исследования К. Леви-Стросса, Дж. Фрэзера, А.Ф. Лосева, В.Н. Топорова, М. Элиаде, Е.М. Мелетинского, К. Ясперса, К. Юнга, Э. Кассирера; структурно-семантический анализ обряда в традиционной культуре А.К. Байбурина; научные труды А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, О.М. Фрейденберг по выявлению взаимосвязи между мифом, ритуалом и формами литературно-художественной деятельности. Ментальные структуры культуры рассматривались автором на основе историко-антропологического подхода представителей французской школы «Анналов» и их последователей (М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ф. Ариес, А.Я. Гуревич, А.Л. Ястребицкая). Методологическим основанием в разработке отдельных аспектов проблемы, поставленной в диссертации, послужил семиотический подход к исследованию культуры (Ю.М. Лотман, Вяч.Вс. Иванов, Б. Успенский, В.Н. Топоров). В герменевтическом ракурсе, во многом определяющем

направленность данной работы, исключительно важной представляется проблема возможности, условий и глубины понимания мифоритуального процесса древности современным сознанием.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка осуществления комплексного философско-культурологического подхода в изучении синтоистских оснований японской культуры в проекции художественно-эстетической традиции. В этой связи:

1. Представлено авторское понимание сущности синто как целостного феномена сознания и культуры Японии.

2. Доказано влияние синто на: а) формирование традиционной модели хронотопа – мифо-религиозных мысле-образов пространства и времени; б) категориальные структуры, характеризующие мир объектов; в) ценностные установки японского общества на примере категорий Истины, Добра, Красоты.

3. Доказана формообразующая роль ритуально-обрядовой культуры архаического синто в становлении традиционной художественной деятельности.

4. Аргументированы основания вычленения не только буддийской и даосской, но и синтоистской составляющей традиционного мировоззренческого комплекса, участвующей в процессе формирования художественно-эстетического строя японской культуры на примерах функционирования некоторых образных категорий – «*макото*» (истина), «*би*» (красота), «*киёси*» (чистота), «*кадзари*» (украшение) и др.

5. Введен в оборот культурологических исследований и всесторонне осмыслен феномен «*каёи*» («перетекание») (И. Масуро) в качестве способа анализа взаимозависимости синтоистского мировосприятия и специфики традиционного японского искусства.

6. Впервые в российском востоковедении исследуется категория «*кадзари*» («украшение»), акцентируется внимание на ее культурно-историческую связь с синтоистскими праздниками *мацури*.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследование феномена синто должно учитывать как минимум два его важнейших аспекта: а) синто как *национальная форма религиозных представлений*, имеющая в своей основе неизменное «глубинное содержание» в противоположность исторически изменчивому «внешнему» его выражению; б) синто как особый *тип мировидения и миропознания*.

2. Синтоизм оказал решающее влияние на формирование ядра этнического менталитета — этнических констант, прежде всего, в их наследуемой из поколения в поколение составляющей, сформулировав в чувственно-эмоциональной форме мифа и ритуала те формообразующие основы культуры, которые, видоизменяясь, столетиями удерживались в ней как подтекст многих явлений из сфер искусства и быта.

3. Степень укорененности синто в японской культурной традиции наиболее ярко выявляется на основе анализа художественно-эстетической деятельности. Именно в этой области происходила основная концептуализация архаических представлений и выработка новых мировоззренческих идей.

4. Взаимоотношения синто с традиционным искусством прослеживаются на нескольких уровнях: а) в процессе вырастания художественных форм из синкретического религиозно-обрядового действия; б) синтоизм как один из источников специфики создания и восприятия художественного образа в его «многомерности единичного», синтетичности, «перетекании» из одного художественного, пространственного, временного плана в другой; в) синтоизм как один из источников формирования специфической суггестивной религиозно-магической эстетики, выявленный на примерах функционирования образных эстетических «категорий».

5. Формируя вместе с буддизмом, конфуцианством и даосизмом единое мировоззренческое ядро японской культуры, синтоизм выступил в роли не только интерпретирующего, но и адаптирующего культурного механизма, в

качестве национальной архетипической основы японской традиции. Традиционализм синто, а вместе с ним и традиционализм японской культуры на протяжении всей своей истории носил динамический характер, стремясь к выработке максимальной способности к адаптации новых идей при относительно неизменной основе. При этом взаимодействие традиции и инноваций происходило не по пути отрицания старых, отживших элементов, но по пути постоянного возрождения и наполнения новым смыслом классических идей.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном системном философско-культурологическом подходе к анализу накопленного в отечественной и зарубежной японистике материала, благодаря которому анализируется и доказывается гипотеза о синтоизме как одном из важнейших факторов, обусловивших протекание историко-культурного процесса в Японии. Представленные в исследовании выводы, полученные в результате осмысления сущностных, структурных и функциональных характеристик синто, дают возможность для дальнейшего анализа взаимосвязи синто с генезисом этических, эстетических, религиозных, философских, политических представлений японского этноса.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты и материалы могут быть использованы при составлении учебных курсов, методических пособий и спецкурсов на факультетах культурологической, исторической, регионоведческой направленности средних специальных и высших учебных заведений. Подобный опыт осуществлен автором при разработке курса «Страноведение и лингвострановедение Японии», читаемого на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического университета.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на региональной научно-практической конференции общества исследователей Синто «Синто и

японская культура» (Новосибирск, 2004), теоретическом семинаре общества исследователей Синто (Москва, 2004), ежегодной научно-технической конференции НГАСУ (Новосибирск, 2005), региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы археологии, истории и культуры» (Новосибирск, 2005), региональной научно-практической конференции «Перспективы исторического и культурологического образования в школе и вузе: теория и практика» (Новосибирск, 2005), а также на заседаниях кафедры теории, истории культуры и музеологии ИИГиСО НГПУ.

Структура диссертации определяется целью работы и ее внутренней логикой, отражая последовательность решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

2. Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, показывается степень теоретической разработанности темы, формулируются цели, задачи, теоретико-методологическая база исследования и основные положения, выносимые на защиту. Раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, указываются формы апробации работы.

В **первой главе «Синто как культурообразующая основа японской ментальности»** даются исходные для анализа темы диссертации теоретические установки, рассматриваются концептуально-идеологические и ритуально-обрядовые аспекты данного комплекса верований, раскрывается роль и степень участия синто в процессе культурогенеза Японии на уровне формирования основ этнического менталитета.

§1.1. «Термин и понятие "синто"» посвящен анализу ситуации в мировом востоковедении в вопросах, касающихся сущностного и терминологического определения древнейшего комплекса религиозных верований Японии – синтоизма; уточняется специфика используемого в диссертации подхода к данной проблематике.

Разнообразие интерпретаций смысловых составляющих понятия «синто» (букв. «путь богов» или «божественный путь») в академической науке обусловлено несколькими факторами: самостроительством синтоистской мысли и закреплением данного термина в японском языке лишь в период средневековья (XIII–XV вв.) – гораздо позднее возникновения самого явления; многокомпонентностью, неоднородностью, исторической изменчивостью его форменных выражений; существованием множества локальных синтоистских традиций; многоуровневым синкретизмом/синтезом/симбиозом синто с буддизмом, конфуцианством, даосизмом, определяющим всю многовековую историю японской культуры. По мнению некоторых исследователей (Като Г., Мураока Ц., Орикути С., Маюми Ц., Сонода М., Я. Ридэр, Б. Эрхарт, Дж. Нельсон) представляется возможным проследить исторически непрерывное развитие синто с древнейших времен вплоть до наших дней, поскольку синтоизм есть суть японской ментальности, формирующая основу культуры и общества (Сонода М.). Критика данного подхода была проведена впервые японским историком Курода Т., на аргументах которого создали свои теории В. Астон, Н. МакМаллин, М. Тэувен, Дж. Брин и др. Отказ признать историческую идентичность синтоизма, доходящий до чрезмерно категоричных утверждений о том, что он является лишь одним из проявлений буддизма (Курода Т.), сформировал (преимущественно в западной науке) тенденцию изучения отдельных аспектов синто в их исторически, географически, религиозно-идеологически определенных рамках.

Принимая во внимание все возможности и ограничения различных подходов к определению степени воздействия синто на формирование видов

и форм традиционной японской культуры, автор признает целесообразность и научную достоверность исследовательских позиций, сложившихся в современном российском востоковедении. Основываясь на работах А.Н. Мещерякова, А.А. Накорчевского, Л.М. Ермаковой, В.Э. Молодякова, Дж. Китагава, в диссертации вырабатывается точка зрения на синто как форму национальных религиозных представлений, говорить об определенной идентичности которой в процессе исторического развития можно на нескольких уровнях. Структура синто рассматривается во взаимосвязи «внутреннего», «глубинного» содержания (смысловым центром которого являются ритуально-обрядовые формы почитания, «ублажения» божеств и духов – *ками*) и содержания «внешнего» (соответствующего конкретной местности, ее традициям, характеру хозяйственного уклада, политической обстановке, степени влияния китайских философско-религиозных учений, т.е. широкому культурному и историческому контексту).

Формирование единого этнокультурного пространства Японии происходило путем адаптации заимствовавшихся на протяжении всего многовекового средневековья религиозно-философских и культурных традиций дальневосточного ареала. Избирательный отбор встраиваемых чужеродных элементов, характер трансформаций, которым они подвергались на «японской почве», особенности их функционирования в рамках синтоистской обрядности и художественной культуры позволяют аргументированно говорить о наличии «глубинной» структуры синто, а также представить ее в качестве доминанты японской культурной традиции, одного из важнейших принципов формирования духовного наследия нации.

Таким образом, для выявления степени и форм воздействия синтоизма на традиционную японскую культуру в диссертации предлагается рассмотрение феномена синто не только как определенной формы религиозного поведения и связанного с ним древнейшего комплекса верований, но, в большей степени, с позиции обнаружения основных вневременных структур синтоистского мировоззрения и их влияния на

формирование особого типа ментальности человека традиционной японской культуры.

В §1.2. «Синто как ранняя форма религиозных представлений Японии» рассматривается составляющий синтоизм набор верований и регуляторов поведения, дается характеристика мифа, ритуала и *мацури*. Несмотря на традиционное разделение синто на виды (государственное, императорское, храмовое, народное), представляется возможным говорить о нем как до некоторой степени едином явлении, имеющем в своей основе достаточно неизменную форму концептуально-идеологических представлений.

Если рассматривать традицию как форму и процесс социокультурного наследования, функционирующую с целью обеспечения адекватного возобновления вложенного в нее содержания (В.В. Аверьянов), то можно сказать, что синтоизм выработал как набор представлений, поддерживающих традицию интеллектуально, так и разработанную систему моделей преемственности. Мировоззренческий комплекс синто был зафиксирован в версиях мифа и ритуала и имплицитно представлен в художественной литературе средневековья. Его важнейшими составляющими явились: а) политеистическая вера в природу (сформировавшая поле сотрудничества «человек-ками-природа»); б) признание существования множества божеств-ками, населяющих окружающее пространство с их ключевой характеристикой «неявленности», «скрытости»; в) почитание японцами некой «жизненной энергии»-тама, «божественной сущности», присущей ками и всем предметам и явлениям – своеобразный анимизм, предопределивший признание особой ценности внутренней сущности предмета и явления по сравнению с внешним выражением; г) «культ предков» как концептуальная основа формирования механизма трансляции традиции и его частное выражение – «культ императора», основанный на базовой для синтоистской ментальности концепции о происхождении японцев от богов-ками.

Мифологическое знание было не только ценностно и эмоционально окрашено, но и антропологически ориентированно (М.Ф. Альбедиль), роль его транслятора выполняли в традиционном обществе обряды и ритуалы. Из-за отсутствия в синто кодекса заповедей, четко разработанного учения, идейного основателя и многих других атрибутов мировых религий, именно ритуал был сопоставим с хранилищем всего священного знания, норм, ценностей, образцов традиции, транслируя их при помощи непосредственного чувственного восприятия ситуации общения с божествами и духами. Четкая структура ритуала (очищение, встреча *ками*, служение ему и проводы) наполнялась сакрально-аксиологическим смыслом и отражала в символических предметах и действиях особенности синтоистского «мифологического» (А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, В.В. Иванов) или «мифопоэтического» (В.Н. Топоров) типа мышления. Обеспечивая воспитание, образование и инициацию восприимчивых традиции, ритуально-обрядовые формы синто выполняли в древнем обществе свое главное назначение – поддержание «мирового порядка» во благо функционирования коллективной общины, шире – государства. Разновидностью подобного символического типа поведения, центрированного на общении человека с *ками*, являлось событие «праздничного» (впоследствии – «карнавального») типа – *мацури*.

Характеристика комплекса синтоистских верований и практик не может не учитывать изменений, происходивших с элементами данной структуры на протяжении веков. Следовательно, невозможно обойти стороной вопросы, связанные с «единством трех учений» – синто, буддизма и конфуцианства в истории традиционной японской культуры. Автора интересует в большей степени аспект, связанный с интерпретацией и адаптацией элементов китайских учений (преимущественно, буддизма) к синтоистским реалиям. Также рассматривается проблема функциональности как ключевая при анализе межкультурных взаимодействий. Результаты, полученные в данной части исследования позволяют представить синто как определенный

комплекс религиозно-мифологических воззрений (даже с учетом их несистематизированного, исторически изменчивого и неоднородного характера), заключавший в себе экспрессию коллективных переживаний и ориентированный на ритуально-обрядовое поведение.

В §1.3. исследуются и характеризуются «Синтоистские константы японской ментальности», выражающие и закрепляющие свойства японского этноса как культурной целостности. Категория менталитета (ментальности) рассматривается с позиции историко-антропологического подхода основоположников и последователей французской школы «Анналов» как рациональные и иррациональные элементы сознания этнических общностей, скрепляющие единство соответствующей культурной традиции – «социопсихологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать» (А.Я. Гуревич). Анализируя многоуровневый характер структуры менталитета, автор выдвигает гипотезу о том, что синтоизм оказал важное влияние на формирование ядра этнического менталитета – этнических констант, прежде всего, в их наследуемой из поколения в поколение составляющей. Различия этнических менталитетов проявляются в «национальных образах мира» (Г. Гачев), «моделях мира», «видении мира» (Ф. Арьес, А.Я. Гуревич), их объективизация происходит в текстах художественной культуры. Рассмотрение традиционной картины мира этноса всегда предполагает поиск ее «оснований», «сущностных характеристик», «мировоззренческих универсалий» (В.С. Степин), в системе которых человек оценивает, переживает мир на каждом этапе культурно-исторического развития.

В диссертации проводится гипотетическая реконструкция традиционной (мифологической) картины мира, сформированной на основе эмоционально-рефлексивного способа освоения пространства и имевшей культурообразующее значение. В качестве предмета анализа выбрано несколько компонентов традиционной «модели мира», таких как: *пространство и время, жизнь и смерть, истина, добро и красота*. Выбор

обусловлен их универсальностью и непосредственным влиянием на генезис художественно-эстетической деятельности японцев. Особое внимание при анализе указанных констант автор уделит вопросам одновременного историко-культурного сосуществования различных мировоззренческих схем (в т.ч. пространственных и временных); проблеме организации мифологического пространства и превращения его в знаковое обозначение сакральности, в «символическую значимость его геометрической очерченности» (Г.Б. Навлицкая); связи мифа и имени; мифологемам «Творение» («Рождение»), «Столп», «Центр», «Образец»; проблемам дефиниции «сакрального» и «профанного» пространства и времени; формированию пространственных и временных символов; «преемственности» и «прошлому» как ценностным ориентирам в развитии культурных форм, обеспечившим сознательное сохранение традиционных устоев. При рассмотрении фундаментальных мировоззренческих универсалий «жизни» и «смерти» особенно подчеркивается отсутствие их онтологической или этической трактовки, идеологической оформленности в рамках синтоистского мировосприятия, а также акцентуация внимания культуры на сфере «земных» отношений как своего рода «посюсторонний трансцендентализм» (термин М. Вебера). Бинарные компоненты «жизни» и «смерти», «мира земного» и «потустороннего», «сакрального» и «профанного» воспринимались в рамках целостности (недуальности) Бытия не как конфликтующие, но как дополняющие друг друга, характеризуюсь огромным количеством точек соприкосновения и взаимопроникновения.

Ценностные установки синтоистского взгляда на мир исследуются в проекции триады Истины, Добра и Красоты. При анализе синкретического этико-эстетического идеала синтоизма – *«акаруки киёки наоки кокоро»* («светлое, чистое, праведное сердце») – акцентируется внимание на интерпретации следующих понятий: «чистота» (как конкретизация «добра», «должного»), «нечистое» (как конкретизация «зла», «осквернения»), «истина» (*макото*), «правильность» (*тадасиса*), «красота» (как отражение

единства «истины», «добра» и «любви»). Подчеркивается лингвоспецифичность скрывающегося за этими терминами содержания, характерная для культур с иероглифической традицией. Именно иероглифы как самая архаическая составляющая японской письменности сохранили в своих чтениях информацию, позволяющую прийти к главному выводу о синкретичности и конкретности мифологического мышления японцев.

Таким образом, делается вывод о том, что менталитет японца традиционного общества формировался под сильным влиянием его мифологического (синтоистского) компонента, представленного в виде наследуемых моделей восприятия и понимания. Этот компонент явился культуuroобразующим не только для периода древности, но и сохранил свою концептуальную значимость и жизнеспособность вплоть до современности. Подтверждением этому служит как характер трансформаций и интерпретаций китайских учений синтоистской мыслью, так и функционирование художественно-эстетической практики.

Вторая глава исследования **«Специфика художественно-эстетической традиции Японии»** демонстрирует преломление традиционного (в большей степени, синтоистского) мировоззрения в художественно-эстетической деятельности японцев. Автор доказывает, что в рамках японской культуры концептуализация архаических синтоистских представлений, адаптация и интерпретация инновационных идей происходили преимущественно в указанной сфере.

В §2.1. «Ритуально-мифологические основания традиционной японской культуры: формирование художественных форм» прослеживается формообразующая роль ритуально-обрядового и магического поведения синто в становлении отдельных видов японского искусства. Обращается внимание на изначальном бытовании синкретического искусства (А.Н. Веселовский, О.М. Фрейденберг, А.Е. Глускина), включавшего словесность, музыку, танец, драматургию в том виде, в каком они представляли неотъемлемую часть синтоистского ритуального поведения. Приводятся

примеры историко-культурологического, литературного, искусствоведческого и лингвистического характера.

В качестве важнейших источников генезиса поэтических и танцевальных жанров рассматриваются обряды *утагаки* (*утакакэ, кагаху*), песенный обрядовый фольклор, традиции шаманок, обрядовые земледельческие представления и пляски. Связь танца, песни, музыки с ритуально-магическими мистериями и обрядовым поведением демонстрируют *камиасоби* («игрища богов»), к которым восходят синтоистские мистерии *кагура*, представления *саругаку*, корни театров *Но*., *Кё:гэн*, *Кабуки*, *Дзё:рури*. Ритуально-мифологические истоки воинских искусств представлены на примерах борьбы *сумо* и традиции формирования первых японских воинских корпораций. Рассматривается история сооружения синтоистских храмовых построек, обозначается влияние архитектурных особенностей святилища на генезис строительства и дизайна жилых помещений. Подчеркивается присутствие важнейших символических атрибутов синтоистского храма в проведении различных видов священнодействий, в том числе в традиционном искусстве как их разновидности.

Таким образом, делается вывод о том, что в течение длительного исторического срока на фундаменте синтоистских земледельческих, ритуально-магических обрядов сложились разнообразные музыкальные, хореографические, литературно-художественные, спортивные, архитектурные *формы* традиционного японского искусства, виды народного промысла и ремесел, сохранившие связь со своими истоками как непосредственно, так и в образно-символических, идейно-концептуальных формах.

В §2.2. «Специфика создания и восприятия художественного образа в традиционном японском искусстве» рассматриваются наиболее характерные особенности функционирования искусства Японии с целью выявления степени влияния синто на исходные посылки его самобытности. Автор доказывает, что взаимоотношения религиозного с художественно-

эстетическим началом могут быть прослежены еще на одном уровне, в большей степени характеризующем японскую культурную традицию: религия как источник создания богатства идейных и эмоциональных ассоциаций художественной ткани произведения.

В качестве способа анализа предлагается многоуровневое рассмотрение феномена *«каёи»* (букв. «циркуляция», «перетекание») – *«многомерности единичного»* (Идзири Масуро), имеющего в японской традиции универсально-мировоззренческий характер. Приводимые в работе уровни подобного типа «перетекания» в произведении искусства обобщают взгляды Идзири Масуро и российских исследователей искусства Японии и выглядят следующим образом:

1) «перетекание» из области повседневной жизни в область искусства. Подчеркивается практическая конкретность произведения художественной деятельности, перешедшая в эстетизацию быта и предметного окружения человека. Отдельно рассматриваются «искусства телесного действия» (Такакина С.) – чайная церемония, воинские искусства, составление ароматов и цветочных композиций, – с присущими им изменчивостью и подвижностью, «постановкой, представлением» как способом существования.

2) «перетекание» из явленного, художественно-эстетического измерения произведения в религиозное, идейно-эмоциональное. Анализ данного уровня проводится с привлечением концепции «многослойной структуры» Н. Гартмана на примере чайной церемонии и классической архитектуры. Реалии духовно-религиозной сферы (синтоизма, буддизма, даосизма) предстают важнейшим источником создания ассоциативного подтекста предмета искусства.

3) «перетекание» из одного вида искусства в другой. Акцентируется внимание на высокой синтетичности японского искусства, своего рода «неслитном единстве» (Н.Г. Анарина) его элементов. Данный тезис

подтверждается примерами из театральной сферы, традиционной поэзии жанров «*танка*», «*рэнга*», «*хокку*», чайной церемонии.

4) пространственное и временное «перетекание» ткани художественного произведения как сознательный эстетический прием. Данное проявление феномена *каёи* как прямое отражение аналогичного синтоистского восприятия времени и пространства демонстрируется на примерах японских ширм и архитектуры жилого дома, поэзии и театральных видов искусства. Отмечается постоянный «прорыв» в сакральное пространство и время из обыденности жизни.

5) «перетекание» от творца произведения искусства к зрителю. Особенность японской традиции заключается в активной позиции субъекта восприятия произведения искусства, неразделенности субъект-объектных отношений. В качестве одной из важнейших причин подобного явления анализируется каноничность традиционного японского искусства как «искусства эстетики тождества» (Ю.М. Лотман), предполагающая включенность в культурный контекст, необходимость припоминания «интертекстов» (Е.М. Дьяконова), требующая определенной внутренней работы потребителя художественной деятельности.

Таким образом, в понятии «*каёи*» фиксируется, прежде всего, многослойность структуры произведения японского искусства, как в процессе его создания, так и восприятия. И «явленный», и «неявленный» уровни предоставляют большое количество вариантов утонченных эмоций и настроений, что можно считать основополагающей спецификой японской культурной традиции. Признавая значительное участие буддизма в формировании самобытной идейной окраски предмета искусства, в исследовании делается вывод о том, что нельзя недооценивать и роль синтоизма. Синтоизм представляется в качестве важного источника создания богатства идейных и эмоциональных ассоциаций художественной ткани произведения. Сама возможность «перетекающего» типа бытования художественного произведения является результатом формирования в

рамках синтоистского мировоззрения целостного типа мышления, интегрирующего в единичном предмете или явлении различные планы восприятия, позволяющего «плавное перетекание» феноменального и сущностного планов их бытия.

В §2.3. «Особенности функционирования системы художественно-эстетических образных категорий» прослеживаются основы синтоистского мировосприятия, заложенные в общем художественном строе японской культуры на примере функционирования художественно-эстетических категорий: истина-«макото», красота-«би», чистота-«харэ», «киёси», «саякэса», украшение, декор-«кадзари». Под «категориями» подразумевается некий предельно обобщенный набор образов и идей, понятий, концентрирующих в себе основные идейные замыслы художественного творчества. Анализ и интерпретация «категорий» производится на богатейшем материале искусствоведческого и философско-культурологического характера.

Принцип «макото» как поиск истины в природе, тонкостях души человека, в сакральном (в традиции) был связан с непосредственным наблюдением человека за течением жизни, с пристальным вниманием ко всем проявлениям природы и к каждому единичному предмету в отдельности («близорукость культуры» – термин А.Н. Мещерякова)), а также с временным изменением идеала «красоты». Идеал «прекрасного», ориентация на выявление которого стала специфической чертой японского искусства, наиболее целостно был явлен в нескольких образах-идеях (классическим примером которых считаются: «аварэ», «югэн», «саби», «ваби», «хинаякана», «окаси»), отражающих особенности культурно-исторического контекста создания произведения искусства. Основополагающие сущностные характеристики красоты включали в себя синтетическое единство принципов, обнаруживающихся уже в синтоистском отношении к миру искусства и обыденности. Изменение «идеала» красоты происходило как за счет реактуализации буддизмом (особенно в форме школы дзэн) аспектов

синтоистского мировосприятия, так и как следствие культуuroобразующей роли синтоизма, интерпретирующего и адаптирующего каноны буддийского искусства. Многослойность категории «чистоты» как свойства мысли, чувств человека, пространства, материального предмета, идеи, искусства, ее «перетекание» из одной «ипостаси» в другую явилось порождением синтоистского целостного (недуального) восприятия мира в его многообразии и единении проявлений. Сакральная (синтоистская) подоплека, вероятно, была тем необходимым условием, которое обеспечило ее устойчивость и сохранение в японском мышлении, равно как и ее эстетизацию.

В диссертации вводится в оборот российских культурологических и искусствоведческих исследований эстетика *«кадзари»* (Цудзи Нобуо), демонстрирующая теснейшую связь предметов искусства и быта с миром синтоистских ритуалов и *мацури*, особенно в самой древней своей разновидности – *сайси кадзари*. Исследуются предметы подношения *ками* во время богослужений, а также вещественные атрибуты синтоистских обрядовых форм (на примере мистерии *кагура*), являющиеся образцами древнейшей традиции «украшения» в Японии. Прослеживается тенденция частичного сохранения принципов *кадзари* (природного характера материала, непритязательности, простоты, признания приоритета «внутреннего» над «внешним») в современной японской культуре. Автор приходит к выводу о том, что эстетика *кадзари* и сами предметы «декора» – *кадзаримоно* – зафиксировали как тенденцию к сакрализации обыденной вещи, так и эстетизацию ее сакрального характера, подчеркнув базовую для японской ментальности характеристику – «вещепочитание».

Таким образом, итогом данной части исследования стали следующие выводы. Все рассмотренные категории демонстрируют ключевую для японской культуры всепронизывающую натурфилософскую направленность, стремление человека посредством поиска красоты и истины «встроиться» в мир Природы, ощутить их неразрывную связь – идея синто, которая

развивалась благодаря буддийским учениям. «Категории» не получили наполнения абстрактным содержанием, не произошло их теоретизирования. Конкретность мышления, сформированная не без влияния синто, обусловила конкретность, ситуативность и субъективность их восприятия, необходимость понимания ассоциативного подтекста при помощи активизации интуиции. Ни одно из этих понятий не лежало исключительно в сфере религиозной, эстетической, философской или искусствоведческой области знания – они явили собой еще один пример многослойности японского сознания, большую роль в создании которого играло синто как один из *важнейших* компонентов контекстуального рисунка японской культуры.

В **Заключении** обобщаются результаты диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования указанной проблематики.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Бишарова С.Г. Проблемы изучения традиционной японской эстетики (историографический обзор) // Аспирантский сборник НГПУ – 2002. (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов). – Часть 1. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – С. 260-268.
2. Бишарова С.Г. Особенности становления японской эстетической традиции // Труды VIII Международного симпозиума Международного научного общества Синто «синто и японская культура». – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 97-103.
3. Бишарова С.Г. Синтоистские основы эстетического своеобразия японского искусства // Аспирантский сборник НГПУ – 2004. (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): В 3 ч. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. – Часть 2. – С. 41-49.
4. Бишарова С.Г. Формирование традиции украшения в Японии // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: Материалы регион.

науч.- практ. конф. (Новосибирск, 13-14 мая 2005 г.) (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой): В 3-х т. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – Т.3. – С. 100-103.

5. Бишарова С.Г. Истина, Добро, Красота в японской культурной традиции // Тезисы докладов 62-й научно-технической конференции, посвященной 75-летию НГАСУ (Сибстрин). – Новосибирск: НГАСУ, 2005. – С.139-140.

6. Бишарова С.Г. Формирование эстетики *кадзари* // Япония 2004-2005. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2005. – С. 216-225.

7. Бишарова С.Г. Концептуальное поле «прекрасное» в японской синтоистской традиции // Труды НГАСУ. – Новосибирск: НГАСУ, 2005. – Т.8, № 3 (33). – С.113-117.